

Муштанова Оксана Юрьевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕКСТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО "БАУДОЛИНО"

В статье рассматривается роман Умберто Эко "Баудолино" с точки зрения представленной в нем лингвистической проблематики. Цель данной работы - показать, как Средневековая языковая ситуация в Европе с типичным для нее кругом проблем приобретает новую функцию в контексте романа "Баудолино", сталкивается с такими современными понятиями как интерпретация, открытое произведение, смерть субъекта. Отдельно анализируются лингвистические характеристики первой главы, в которой воссоздается средневековый язык, а также их роль в воплощении текстуальной стратегии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 132-136. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-31

Филологические науки

В статье рассматривается роман Умберто Эко «Баудолино» с точки зрения представленной в нем лингвистической проблематики. Цель данной работы – показать, как Средневековая языковая ситуация в Европе с типичным для нее кругом проблем приобретает новую функцию в контексте романа «Баудолино», сталкивается с такими современными понятиями как интерпретация, открытое произведение, смерть субъекта. Отдельно анализируются лингвистические характеристики первой главы, в которой воссоздается средневековый язык, а также их роль в воплощении текстуальной стратегии.

Ключевые слова и фразы: совершенный язык; Вавилонская башня; вольгаре; диалект; палимпсест; текст; текстуальная стратегия; открытое произведение; смерть субъекта.

Муштанова Оксана Юрьевна

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

oksanamushtanova@rambler.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕКСТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ
В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «БАУДОЛИНО»**

Одной из важнейших характеристик романа Умберто Эко «Баудолино» является метатекстуальность. Роман повествует о тексте в самом широком смысле слова: это и конкретные тексты, вокруг которых строится сюжет, и интертекстуальная составляющая, и Текст средневековой культуры, и лингвистический компонент. Целью данной статьи является рассмотрение лингвистической проблематики, представленной в романе на разных уровнях – содержательном, формальном, образном.

В «Баудолино» нашли отражение средневековые дискуссии о совершенном языке, в ходе которых предпринимались попытки восстановить идеальный адамический праязык, существовавший до вавилонского смешения. Средневековая Европа пережила на собственном опыте вавилонскую ситуацию, когда латынь как наднациональный язык уступила место множеству народных языков – вольгаре, так что мысль о поиске первоначального языка была весьма популярна. В романе «Баудолино» к размышлению об идеальном языке героев приводят поиски царства Пресвитера Иоанна, которое располагается в земном Раю: это единственное место на земле, где сохранился адамический язык. Выразителем наиболее распространенной гипотезы является в романе друг Баудолино Соломон, утверждающий, что идеальный язык – язык Торы, причем в ее первоначальном варианте: «...la Torah originaria, al momento della creazione, stava al cospetto dell'Altissimo, ...scritta...in un ordine che non fu quello della Torah scritta, come la leggiamo oggi, e che si manifestata solo dopo il peccato di Adamo» [6, p. 134-135]. / «...первородная Тора в миг творения находилась перед Всевышним... Однако буквы в первоначальной Торе были составлены в порядке, который отличается от порядка письменной Торы, читаемой нами сейчас. Порядок букв в нашей Торе стал таким только после грехопадения Адама» [2, с. 137-138]. В своем исследовании «Поиски совершенного языка в европейской культуре» Эко пишет, что предположение о первичности еврейского языка является доминирующим в средневековой культуре и подкрепляется такими авторитетами, как Ориген и Августин. Однако в «Баудолино» присутствует и альтернативная точка зрения, принадлежащая Абдулу: «Furono i settantadue saggi della scuola di Fenius a costruire la lingua gaelica usando frammenti di tutte le settantadue favelle nate dopo la confusione delle lingue, e per questo il gaelico contiene ciò che c'è di meglio in ogni lingua e come la lingua adamica ha la stessa forma del mondo creato, così che ogni nome, in esso, esprime l'essenza della cosa stessa che nomina...» [6, p. 134]. / «Семьдесят два мудреца из школы Фениуса создали гэльский язык из элементов всех семидесяти двух наречий, возникших после вавилонского смешения языков. Поэтому в гэльском содержится все лучшее, что только имелось в каждом языке, и подобно адамическому языку, он воспроизводит формы мира сотворенного, таким образом что каждое существительное этого языка передает сущность именуемого предмета...» [2, с. 137]. Герой делает важное семиотическое замечание: сама по себе моногенетическая гипотеза о существовании идеального праязыка возможна только в рамках средневекового реализма¹, поскольку совершенный язык по определению должен отражать природу вещей. В то же время в романе намечается тенденция приписывать первоначальный язык своему народу, ставшая популярной начиная с эпохи Возрождения и пережившая расцвет в XVII-XVIII вв., в период окончательного формирования крупных европейских государств, когда развиваются этрусская, фламандская, шведская, кельтская гипотезы. Этот процесс национализации праязыка сопровождается потерей интереса к еврейскому, стимулирует исследование существующих европейских языков и в конечном счете приводит к рождению индоевропейской теории [7, с. 112-115]. Дискуссии о первоначальном языке в романе «Баудолино» корректируются практическим опытом, когда герои отправляются в странствие: они обнаруживают, что главная функция языка – это коммуникация, и бесполезно владеть адамическим языком, будь то еврейский или гэльский, если тебя не понимают. Пытаясь преодолеть языковой барьер в общении с представителями других национальностей, реальных и вымышленных, герои прибегают

¹ Муштанова О. Ю., 2015

¹ Философское направление, утверждающее реальность существования общих понятий – универсалий – в вещах и в языке.

уже не к идеальному, а к универсальному языку – языку жестов, предметов, музыки. Идея о книге мира, сотворенной Создателем на идеальном языке предметов, принадлежит Августину, и герои . Баудолино используют ее на практике, когда, в попытках разыскать Зосиму, показывают жителям чужих стран его чучело. Установить же контакт с обитателями Абхазии, живущими в землях тьмы и потому не воспринимающими визуальные образы, им помогает музыка: . Avevano ascoltato in silenzio il canto di Abdul, poi avevano tentato di rispondere: si udivano cento labbra (erano labbra?) che fischiavano, zufolavano con grazia come merli gentili, ripetendo la melodia suonata da Abdul. Trovarono cosı́ n'ıntesa senza parole coi loro ospiti...ı́ [6, p. 354]. / . Дослушавши до конца Абдулово пение, они, похоже, вознамерились ответить подобным. Путники ощутили, что сотни губ (были ли это губы?) насвистывают, умильно повторяют, как певчие дрозды, нежную мелодию. Таким путем без слов сумели найти общий язык хозяева и гостиı́ [2, с. 361].

В противоположность моногенетическим идеям Абдула и Соломона, Баудолино выражает в романе идею многоязычия. Так, он знакомит византийца Никиту Хониата с языковой ситуацией в средневековой западной Европе и, в частности, с разнообразием вольгаре в Италии: . ...una volta c'erano i romani... Poi l'impero di quei romani inı́sparito, e a Roma rimasto solo il papa, e per tutta l'Italia si sono viste genti diverse, che parlavano lingue diverse. La gente della Frasceta parla una lingua, ma giı́a Terdona ne parlano un'altra. Viaggiando con Federico in Italia ho udito lingue molto dolci, che al confronto la nostra della Frasceta non inemmeno una lingua ma il latrato di un cane, nı́ qualcuno scrive in quella lingua, perchı́ lo si fa ancora in latinoı́ [6, p. 34]. / . ...там прежде обитали римляне... Потом империя тех римлян развалилась, и в Риме остается только папа, а по Италии распространились разные народы с разнообразными своими языками. У нас во Фраскете говорят одним манером, а неподалеку, в Тордоне, уже другим. Путешествуя с Фридрихом по Италии, мне привелось слышать нежные языки, с которыми при сравнении наш фраскетский вообще не язык, а лаянье псов. Никто на нем ничего не пишет, у нас для письма употребляется латынь» [2, с. 35]. Именно эта привычка возвращаться в мультилингвистической среде позволяет Баудолино с легкостью ориентироваться в многоязычии незнакомых стран во время путешествия. Усвоение языков разных народов Пндапетцима, который уподобляется лингвистическому Вавилону западной Европы, способствует интеграции героев – в первую очередь Баудолино – в новую культурную среду. Процесс освоения этих языков сопровождается стиранием культурных границ и психологического барьера перед лицом . другогоı́: герои перестают видеть в жителях Пндапетцима монстров, когда достигают лингвистического отождествления себя с . другимı́. Одним словом, герои познают на собственном опыте элементарные законы межкультурной коммуникации, которые проявляются, в первую очередь, в сфере языкового общения. Баудолино является в романе проводником идеи многоязычия, которая воплощается в образе Вавилонской башни – именно такая ассоциация возникает у героя, наблюдающего за строительством Александрии: . Mentre cercava di orientarsi tra quella moltitudine di saperi, Baudolino scopriva anche una moltitudine di dialetti... “Che sia capitato proprio nel bel mezzo della costruzione di Babele”, si chiedeva Baudolino...ı́ [6, p. 158]. / . Опознаваясь с многочисленными видами работ, Баудолино опознавался и с многообразными диалектами, звучавшими на каждом новом углу. – Ну, я попал прямо на вавилонское столпотворение, – констатировал Баудолиноı́ [2, с. 163-164]. Эко заставляет пересмотреть миф о Вавилонской башне, который в контексте романа . Баудолиноı́ приобретает исключительно позитивный смысл: многообразие наречий нисколько не мешает совместному делу, многоязычие оказывается продуктивным, его плодом становится новый город.

Именно с данной позиции необходимо рассматривать первую главу романа, которая наглядно воплощает принцип многоязычия. Как объясняет сам Баудолино, это его первый опыт письма, рукопись-палимпсест, написанная поверх стертой хроники Оттона Фрейзингенского. Документ Баудолино представляет интерес как факт (вернее, псевдо-факт) истории языка. Вторая и третья главы являются автокомментарием Баудолино к собственному пергаменту, на который Никита взирает с недоумением: . ...scrivevo nella lingua della Frasceta. Ma poi era davvero la lingua della Frasceta? Stavo mescolando ricordi di altre parlate che sentivo intorno a me, quelle degli astigiani, dei pavesi, dei milanesi, dei genovesi, gente che certe volte non si capivano tra loro. Poi dopo da quelle parti abbiamo costruito una cittı́a, con gente che veniva chi di qua chi di lı́a, riuniti tutti per costruire una torre, e hanno parlato tutti nello stesso e medesimo modo. Credo che fosse un poco il modo che avevo inventato ioı́ [6, p. 43-44]. / . ...я начал писать на языке Фраскеты. Хотя... вправду ли это был язык Фраскеты? Скорее мешанина моих воспоминаний о разных наречиях, которые вокруг меня звучали. О языках жителей Асти, Милана, Генуи, тех, кто нередко друг друга не понимали. Потом в той местности мы выстроили город, и обитатели сошлись туда отовсюду, и вместе возвели башню и общались между собою на некоем смешанном наречии. Я думаю, что в значительной мере то было наречие, изобретенное мною» [2, с. 45]. В ответ Никита называет Баудолино номотетом – законодателем, дающим имена вещам, создателем нового языка, – так Эко иронически представляет лжеца и фантазера Баудолино новым Адамом. Герой выступает создателем одного из первых письменных памятников итальянского вольгаре, наряду с Веронской загадкой XIX в., цитату из которой Эко встраивает в текст первой главы, причем дает ее гиперкоррективную, латинизированную версию: . alba pratalia arabat et nigrum semen seminabatı́ [6, p. 13] вместо . alba pratalia araba <...> et negro semen seminabatı́ [5, p. 7]¹. Дж. Феррарис, размышляя о причинах этой ошибочной цитации, склоняется к тому, что

¹ Веронская загадка, начертанная переписчиком на полях рукописи в IX в., считается первым письменным памятником итальянского вольгаре. Полный ее текст: . Voves se paraba / alba pratalia araba / et albo versorio teneba / et negro semen seminabatı́ [5, p. 7] можно перевести так: . Погонял перед собой быков, / вспахивал белые поля, / держал в руках белый плуг / и севал черное семяı́. Загадку несложно разгадать – уставший копиист имеет ввиду себя самого: быки – это его пальцы, белые поля – пергамент, белый плуг – гусиное перо, а черное семя – чернила.

Эко нарочно приводит неправильную версию известного памятника литературы, чтобы стимулировать содействие читателя-интерпретатора и активизировать его энциклопедию знаний о Средневековье [10, р. 24]. Эко, а вслед за ним Баудолино, выдвигает фраскетанский диалект на роль основополагающего в зарождении итальянского языка, подобно тому, как Данте, создавая свой совершенный поэтический язык, отводил привилегированную роль тосканскому диалекту – это еще одна, в данном случае имплицитная, ссылка на средневековые источники. Продуктивной для интерпретации является заключительная фраза рукописи – *... come diceva queltale il... pollice mi duoleſi* [6, р. 16]. / , не помню кем сказано... палец у меня ноетſи [2, с. 17]. Этот . нектоſи (. *queltaleſи*) – это Адсон, герой . Имени розы». При помощи этой автоцитации Эко, с одной стороны, ставит себя в один ряд со средневековыми авторами (не без свойственной ему иронии), а с другой, устанавливает преемственность между собственными произведениями, заставляя один возможный мир служить фоном для другого. Пожилой монах Адсон не просто уступает место молодому фантазеру Баудолино: в лице этих персонажей умирающая латинская культура, символически сгорающая в пожаре, противопоставлена новому Вавилону народных языков и диалектов. Это отражает тесную связь героя с его лингвистическими и речевыми особенностями – более того, по поводу Баудолино Эко заявляет, что персонаж в данном случае родился из словесных характеристик, намеченных в первой главе и получивших развитие в последующих главах: . стиль и язык первой главы дали мне представление о том, как будет мыслить и говорить Баудолино. То есть в конечном счете, не язык Баудолино возник как продукт воображаемого мира, а наоборот, воображаемый мир сформировался под влиянием этого языка» [8, р. 345].

Что же представляет собой мультидиалектальный пастиш первой главы с лингвистической точки зрения? По замечанию Дж. Феррариса [10, р. 17-18], перед автором стояла непростая задача: в отличие от Мандзони, который создавал стиль . Обрученныхſи, черпая из памятников барочной литературы XVII века, Эко строит чисто гипотетическую модель протовольгаре, поскольку речь идет о воссоздании языка, который практически никак не документирован, за исключением отдельных памятников, вроде упомянутой уже Веронской загадки. Эко говорит, что во многом прибегал к диалектальным схемам, которые когда-то отпечатались в его детском подсознании [8, р. 345]. С одной стороны, первая глава раскрывает процесс противостояния латыни и вольгаре: не только потому, что сквозь баудолинов текст периодически проглядывают плохо стерты пассажи Оттона, но и в самом письме героя, который пока еще не нащупал точку опоры, баланс между уходящим и новым языком. Мы наблюдаем многочисленные автоисправления: герой испытывает трудности в орфографии: *Dommini*¹ => *Domini*¹, *kancel* => *cancelleria*², *cincue* => *quinkue* => V³ (в данном случае, отчаявшись в поиске правильного варианта, предпочтение отдается графическому символу). Еще один камень преткновения – это грамматика, латинские падежи, постепенно утрачивающие свою роль в народном языке: *domini* => *dominus* вместо необходимого датива *domino*, колебания между *equus* и *equum*⁴. С другой стороны, первая глава изобилует диалектальными локализмами (ломбардо-пьемонтское *ciula*⁵, *diupatan*⁶), а также фразеологизмами, многие из которых легко распознаются современными носителями языка: *tra il losco e il brusco* (. *tra il lusco e il bruscoſи* – , смутноſи), *lasiali cocere nel loro brodo* (. *lasciali cuocere nel loro brodoſи* – , пусть они варятся в собственном сокуſи), *bello come il sole* (. *красавецſи*), *cosa ciai ne la testa* (. *cosa c'hai nella testa?ſи* – , что тебе взбрело в голову?ſи). Как пишет Дж. Феррарис: . современный житель Александрии испытывает от прочтения первой главы эффект остранения, распознавая в историческом воображаемом свой актуальный лингвистический опыт. Побуждаемый автором переместиться на крыльях фантазии в далекое Средневековье, читатель обретает в нем свое настоящее, его живой и звонкий голос, облаченный в одежды диалектаſи [10, р. 21]. Это узнавание себя в Средневековье – часть текстуальной стратегии романа: Эко намеренно отказывается от стилизации, выбирает для повествования живой, искрометный современный итальянский язык – чему читатель, судя по всему, опять-таки обязан Баудолино, который, будучи выходцем из народной среды, предпочитает меткое, красочное, порой крепкое словцо, оправдывая, таким образом, обилие фразеологии. По замечанию переводчика Е. Костюкович, Эко любит бросить реплику в партер современности, создавая поп-эффект. Баудолино использует самые современные выражения: . *Un momento, dove sta l'Oriente?ſи* [6, р. 80] (. *Минуточку, где тут Восток?ſи*) – восклицает он в самый разгар ученых дискуссий о средневековых картах; . *il fatto ſche...ſи* (. *штука в том, чтоſи*); . *essere al correntelſи* (. *быть в курсеſи*) – другие примеры использования героем выражений современной разговорной речи [1, с. 301-303]. Эффектно выглядит игра на исторической омонимии в диалоге Баудолино и Никиты:

. ...c'ſpersino gente che per dire che ſd'accordo dice: oc.

– Oc?

– Oc.

– Strano. Ma vai avantiſи [6, р. 37]. /

. ...в одной из стран, чтобы выразить согласие, произносят: ок.

– Ок?

– Ок.

– Удивительно. Продолжай жеſи [2, с. 38].

¹ В словосочетании *anno Domini* – год Господень.

² Канцелярия (императора).

³ Пять [число].

⁴ Конь (И. п.) и коня (В. п.).

⁵ Придурок. Диалектальное ругательство, употребляется в Ломбардии и Пьемонте наряду с близким ему по значению *pirla*.

⁶ Черт возьми!

Разумеется, провансальское *osī* – далеко не первое, что придет в голову современному читателю, однако от этого фраза не перестает нормально функционировать в средневековом контексте.

Фразеологизмы, регионализмы, современные разговорные выражения присутствуют не только в первой главе – они рассеяны по всему роману. Более того, почти все выражения, заявленные в первой главе, впоследствии повторяются в других главах – это очередное указание образцового автора, еще одна текстуальная стратегия. Во-первых, этим подчеркивается континуальность сознания героя, который, несмотря на свой богатый жизненный опыт, постоянно хранит в сознании частичку своего лингвистического детства – так же, как на протяжении всего путешествия носит с собой Грааль, сам того не зная. Во-вторых, текст задает определенный режим чтения, заставляя постоянно возвращаться мыслью к уже прочитанному – собственно, этой же цели служит и своеобразное построение первых глав: сначала перед нами предстает манускрипт, побуждая делать предположения относительно того, что все это может означать, затем во второй и третьей главах Баудолино дает свое объяснение, так что читатель получает возможность проверить собственную догадку – так в *Баудолино* работает интерпретативная техника абдукции¹. Постоянное возвращение к уже прочитанному, нелинейность чтения – это черты, позволяющие назвать *Баудолино* открытым произведением (о понятии «открытое произведение» см. [3]), по *Баудолино* литературному лесу (см. [4]) которого можно бродить до бесконечности.

Баудолино воплощает в романе идею языковой множественности. Он не только переплавляет знакомые ему с детства диалекты в некую разнородную субстанцию, но обладает еще и способностью говорить на разных иностранных языках, «поразительное качество, ... которым наделены лишь апостолы» [2, с. 19], восхищается Никита. Умение объясняться на немецком открывает Баудолино дорогу ко двору Фридриха Барбароссы, греческий делает возможным общение с византийцем Никитой Хониатом, усвоенный от Абдула провансальский помогает сохранить жизнь себе и Никите в Константинополе, захваченном крестоносцами. В действительности, трактовка этого явления в Средневековье была неоднозначной: «... в эпоху Средневековья полиглоты считались монстрами, поскольку своим существованием отрицали языковые различия, возникшие после падения Вавилонской башни. Бытовало мнение, что полиглоты очаровывали людей, говоря на их родном языке, а затем поедали их» [9, р. 335]. Кристина Фарронато в своей статье причисляет Баудолино к особому классу чудовищ, называя его лингвистическим монстром, добавим – еще и стилистическим; Никита в определенный момент сравнивает его с хамелеоном: «Come era stato tenero e pastorale quando aveva raccontato della morte di Abdul, così fu epico e maestoso nel riferire di quel guado. Segno... che Baudolino era come quello strano animale, di cui lui – Niceta – aveva sentito soltanto dire, ma che forse Baudolino aveva persino visto, detto camaleonte, simile a una piccolissima capra, che cambia colore a seconda del luogo in cui si trova...» [6, р. 363]. / «До чего нежными, пасторальными красками он сумел расцветить сцену ухода Абдула, до такой же степени эпично и величественно живописал дерзостную переправу. Вот доказательство, ... что Баудолино подобен диковинному животному, о котором ему, Никите, приводилось только слышать рассказы, но Баудолино-то, может, и выдвигал эту тварь, зовомую хамелеоном, она похожа на маленькую козу и имеет свойство переменять окрас в зависимости от места...» [2, с. 370]. Точно так же личностная целостность Баудолино теряется в обилии языков и стилей: «Niceta... si chiedeva a che razza di creatura si trovasse di fronte, capace di usare la lingua dei bifolchi quando parlava di paesani, e quella dei re quando parlava dei monarchi. Avr'una anima, si domandava, questo personaggio che sa piegare il proprio racconto a esprimere anime diverse? E se ha anime diverse, per bocca di quale, parlando, mi dirà mai la verità?» [6, р. 54-55]. / Никита слушал, ... гадая, что за существо перед ним, способное выражаться как скотопас, передавая речь односельчан, но и с королевским достоинством, пересказывая беседы с придворными и монархом. Есть ли душа, недоумевал он, у этого субъекта, имеющего разные голоса для показа различных душ? И если в нем живут различные души, которую из них я-то сам принимаю за истинную?» [2, с. 57].

Таким образом, средневековые лингвистические идеи и связанные с ними образы подвергаются в романе *Баудолино* переосмыслению, испытывают влияние современных понятий (межкультурная коммуникация, плюрализм, открытое произведение, интерпретация). Главный герой Баудолино иллюстрирует концепцию смерти субъекта, растворяется в многообразии языков и стилей и определяет свое жизненное кредо следующим образом: *esistere per raccontare* (существовать, чтобы рассказывать). Особое место в *Баудолино* занимает первая глава, в которой автор моделирует средневековый язык: ее лингвистические характеристики отсылают одновременно и к средневековой, и к современной диалектальной реальности в Италии, а также формируют определенный режим чтения романа.

Список литературы

1. Костюкович Е. Ирония, точность, поп-эффект (к заметке М. Л. Гаспарова о переводе романа У. Эко *Баудолино*) // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 301-304.
2. Эко У. *Баудолино* / пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2003. 541 с.
3. Эко У. *Открытое произведение* / пер. с итал. А. П. Шурбелева. СПб.: Симпозиум, 2006. 412 с.
4. Эко У. *Шесть прогулок в литературных лесах* / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2007. 285 с.
5. De Rienzo G. *Breve storia della letteratura italiana*. Milano: Bompiani, 2006. 238 p.
6. Eco U. *Baudolino*. Milano: Bompiani, 2005. 526 p.
7. Eco U. *La ricerca della lingua perfetta nella cultura europea*. Bari: Laterza, 2008. 423 p.

¹ Сущность абдукции заключается в предположении о существовании закона, регулирующего некоторую наличную ситуацию, и в проведении проверки выдвинутой гипотезы.

8. Eco U. Sulla letteratura. Milano: Bompiani, 2002. 359 p.
9. Farronato C. Umberto Eco's Baudolino and the Language of Monsters // *Semiotica*. 2003. Vol. 144-1/4. P. 319-342.
10. Ferraris G. L. La Chronica Baudolini: esistere per raccontare: ancora un manoscritto, naturalmente. Qualche riflessione sul primo capitolo del Baudolino di Umberto Eco. Fubine: Centro studi fubinesi, 2002. 36 p.

LINGUISTIC PROBLEMS AND TEXTUAL STRATEGY IN THE NOVEL BY UMBERTO ECO "BAUDOLINO"

Mushtanova Oksana Yur'evna

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
oksanamushtanova@rambler.ru*

The article examines the novel by Umberto Eco "Baudolino" from the viewpoint of the represented linguistic problems. The paper aims to show how the medieval linguistic situation in Europe with its typical range of problems acquires a new function in the context of the novel "Baudolino", deals with such modern conceptions as interpretation, open literary work, death of a subject. The author provides a detailed analysis of the linguistic characteristics of the first chapter in which medieval language is reconstructed, focuses on their role in the implementation of textual strategy.

Key words and phrases: perfect language; Tower of Babel; Volgare; dialect; palimpsest; text; textual strategy; open literary work; death of a subject.

УДК 81'23

Филологические науки

Изучение концепта «родной город», отражающего национальную картину мира отдельного народа, представляется одной из актуальных исследовательских задач современной лингвокультурологии. Статья, посвященная описанию и анализу содержания концепта «родной город», имеющего неоднозначную природу, демонстрирует сходства и различия в восприятии данного образа у носителей русской, вьетнамской и немецкой лингвокультур.

Ключевые слова и фразы: ассоциативный эксперимент; концепт; структура концепта; родной город; лингвокультурология.

Мырина Дина Федоровна, к. филол. н.

Абдрашитова Мария Овсеевна, к. филол. н.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
abdrashitova@tpu.ru; translationtech@mail.ru*

КОНЦЕПТ «РОДНОЙ ГОРОД» В РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ КУЛЬТУРАХ (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ)©

*Работа выполнена за счет средств субсидии в рамках реализации
Программы повышения конкурентоспособности ТПУ.*

В современной лингвистике изучение национально-культурной специфики языкового сознания является актуальной проблемой, привлекающей большое внимание исследователей. В центре данных исследований находится изучение концептуальной системы человека в соотношении с национальным сообществом, рассматриваемой через призму ключевых культурных концептов.

Актуальность использования термина «концепт» обусловлена возможностью взглянуть на традиционные явления с учетом более широкого контекста (например, [1; 5; 6]). Как отмечает Ю. С. Степанов, концепт «включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» [8, с. 20].

В данной работе концепт рассматривается в рамках лингвокогнитивного направления и определяется как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [5, с. 24]. К структуре концепта можно отнести следующие компоненты: «информационное содержание, образный компонент и интерпретационное поле» [4, с. 72].

В фокусе нашего исследования находится концепт *родной город*, репрезентируемый в русской, немецкой и вьетнамской культурах.